

ОСТАЁТСЯ ЛИ ДИСКУССИОННЫМ ВОПРОС О МАСШТАБАХ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ СССР В 1941-1945 гг.?

© 2015 В.Н. Земсков

Институт российской истории РАН, г.Москва

Поступила в редакцию 30.01.2015

В статье показаны происхождение и эволюция официальной статистики людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (с 1946 г. и по настоящее время эта статистика неоднократно менялась), дан критический анализ применявшихся методик подсчёта этих потерь, проведена чёткая грань между понятиями «жертвы войны» и «естественная смертность населения», выявлено соотношение между военными и гражданскими жертвами войны. Особое место в статье уделено развенчанию различных мифов и легенд относительно масштабов людских потерь СССР в 1941-1945 гг.

Ключевые слова: людские потери, статистика, военнослужащие, гражданское население, погибшие, замученные, военнопленные, смертность, подсчёты.

По этой проблеме существует масса литературы, и, может быть, у кого-то создаётся впечатление, что она достаточно исследована. Да, действительно, литературы много, но и остаётся немало вопросов и сомнений. Слишком много здесь неясного, спорного и явно недостоверного. В данной статье показана эволюция официальной статистики по этим потерям (с 1946 г. и по настоящее время она неоднократно менялась) и сделана попытка установить действительное число потерь военнослужащих и гражданского населения в 1941-1945 гг. Решая эту задачу, мы опирались только на действительно достоверную информацию, содержащуюся в исторических источниках и литературе. В статье приведена система доказательств того, что на самом деле прямые людские потери составляли около 16 млн. человек, из них 11,5 млн. – военные и 4,5 млн. – гражданские.

В течение 20 лет после войны все людские потери СССР в Великой Отечественной войне (суммарно военные и гражданские) оценивались в 7 млн. человек. В феврале 1946 г. эта цифра (7 млн.) была опубликована в журнале «Большевик»¹. Её же в марте 1946 г. назвал И.В. Сталин в интервью корреспонденту газеты «Правда». Вот дословно цитата Сталина, опубликованная в этой газете: «В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек»².

На самом деле Сталину была известна совсем другая статистика – 15 млн.³ Об этом ему было доложено в начале 1946 г. по результатам работы комиссии, которой руководил кандидат в члены

Политбюро ЦК ВКП(б) председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский. Слово «комиссия» в данной ситуации надо понимать условно, так как по всем признакам это была рабочая группа госплановских специалистов, осуществлявших соответствующие подсчёты по заданию председателя Госплана. О работе этой комиссии (рабочей группы) пока мало что известно, и непонятно, какую методику она использовала при исчислении 15 млн. людских потерь. Причём, как утверждал Д.А. Волгогонов в своей книге «Триумф и трагедия», Вознесенский якобы уверял Сталина, что реально потери составляют **более 15 млн. человек**⁴. Спрашивается: а куда же они, эти данные, делись? Получается так, что в документе, представленном ему Вознесенским, Сталин произвёл «редакторскую правку», исправив 15 млн. на 7 млн. А иначе как объяснить, что 15 млн. «исчезли», а 7 млн. были обнаружены и стали официальными данными? О мотивах поступка Сталина можно только гадать. Конечно, здесь имели место и мотивы пропагандистского характера, и желание скрыть как от своего народа, так и от мировой общественности реальные масштабы людских потерь СССР.

Утверждение, что Сталину была известна статистика в виде 15 млн. жертв войны, иногда подвергается сомнению, поскольку такую информацию (без ссылки на источник) привёл Д.А. Волгогонов, известный своей склонностью к фантазированию. Но мы полагаем, что в данном случае его информация близка к истине. Уже к осени 1945 г. существовали два документа: подготовленная Управлением учета и контроля за численностью вооруженных сил Наркомата обороны СССР справка «О боевых потерях личного состава Красной Армии в Великой Отечественной войне» и справка Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и

*Земсков Виктор Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник.
E-mail: nokia6401@yandex.ru*

их сообщников (ЧГК) «Об итогах расследования кровавых преступлений немецко-фашистских захватчиков и их сообщников». Согласно первому из этих документов, потери военнослужащих составили 9675 тыс. человек (включая 3344 тыс. пленных и пропавших без вести)⁵, а согласно второму – на оккупированной территории СССР было убито и замучено 6716660 мирных советских граждан⁶. При суммировании этих цифр получается 16392 тыс. человек (9675 тыс. + 6717 тыс. = 16392 тыс.). Но, поскольку эта величина включала в себя попавших в плен и пропавших без вести военнослужащих, часть которых (предположительно) осталась в живых, то тогда, действительно, общее число военных и гражданских потерь погибшими и замученными вполне могло оцениваться величиной приблизительно в 15 млн. человек. Предположение, что Сталин мог не знать об этом, несостоятельно, так как соответствующие службы обязаны были довести до его сведения эту чрезвычайно важную информацию. В свете этого значительно убедительней выглядит наша версия о произведенной Сталиным «редакторской правке» в виде «исправления» 15 млн. на 7 млн.

Основным аргументом оппонентов, утверждающих, что Сталин и Вознесенский обладали неполной информацией о потерях, является тезис о том, что данные, которыми они пользовались, не учитывали даже ленинградских блокадников. Но это не так. Они, ленинградские блокадники, учтены в приведённой выше статистике ЧГК, которая складывается из 6074857 убитых и замученных советских граждан на оккупированной территории СССР и 641803 умерших жителей блокадного Ленинграда⁷. Арифметически это выглядит так: $6074857 + 641803 = 6716660$ (позднее последняя цифра была доведена до 6,8 млн.). Статистику смертности ленинградских блокадников мы склонны считать близкой к достоверной, хотя в условиях блокадного города у кладбищенских работников существовала предрасположенность делать в соответствующих актах приписки (и, безусловно, такая практика имела место), так как они получали прибавку к пайку за перевыполнение установленных норм захоронений. Что же касается статистики гибели гражданского населения на оккупированной территории, то она, как будет показано ниже, является существенно преувеличенной.

В дальнейшем, уже после смерти И.В. Сталина, для нового политического руководства страны во главе с Н.С. Хрущевым не являлось секретом, что официальная статистика людских потерь в войне сильно занижена. Начальник ЦСУ СССР В.Н. Старовский в своей докладной записке в ЦК КПСС от 14 ноября 1956 г. доказывал, что потери составляли не 7 млн., а значительно больше, и предлагал излагать это в следующей формулиров-

ке: «Советский Союз за период Великой Отечественной войны потерял в боях с захватчиками, в результате истребления населения оккупантами, а также от снижения рождаемости и увеличения смертности, особенно в оккупированных районах, свыше 20 миллионов человек»⁸. Но тогда, в 1956 г. и последующие годы, Н.С. Хрущев не решился так кардинально изменить масштаб официальной статистики.

В первой половине 1960-х гг. специалисты-демографы пытались определить общие людские потери в войне балансовым методом, сопоставляя результаты Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг. Делалось это, разумеется, с санкции ЦК КПСС. Здесь сразу же выявилась масса сложностей в решении этой задачи, поскольку при различающихся подходах и методиках реально можно было вывести любую величину в диапазоне от 15 млн. до 30 млн. Тут требовался предельно профессиональный и корректный подход. По итогам расчетов, проведенных в начале 1960-х гг., вытекало два вывода: 1) точное число людских потерь в 1941-1945 гг. установить невозможно; 2) реально они составляют более 20 млн. Поскольку специалисты понимали, что этот показатель сугубо демографический, включающий в себя не только жертвы войны, но и повышенную смертность населения в связи с ухудшением в военное время условий жизни, то была выработана корректная формулировка – «война унесла жизни». В таком духе обо всем этом было доложено «наверх». Причём в потери вносился не сам по себе скачок в естественной смертности населения, а отрицательное сальдо между расчётными показателями смертности и рождаемости как на оккупированной территории, так и в советском тылу⁹.

В конце 1961 г. по сталинским 7 млн. был нанесён первый чувствительный удар. 5 ноября 1961 г. Н.С. Хрущев в письме шведскому премьер-министру Т. Эрландеру отметил, что прошедшая война «унесла два десятка миллионов жизней советских людей»¹⁰ (вообще-то руководство ЦСУ СССР докладывало в ЦК КПСС, что потери составляют **свыше** 20 млн., но Хрущев убрал слово «свыше»). Тем не менее, несмотря на такое признание, в СССР вплоть до начала 1965 г. величина в 7 млн. сохранялась в качестве официальной статистики.

8 мая 1965 г., накануне 20-летия Победы, Л.И. Брежнев в своей речи сказал, что «война унесла более двадцати миллионов жизней советских людей»¹¹. На другой день эта речь была опубликована в газетах, и именно с этого момента, т.е. с 9 мая 1965 г., сталинские 7 млн. перестали быть официальной статистикой. Таким образом, Хрущев назвал 20 млн., Брежнев – более 20 млн. при одинаковой терминологии – «война унесла жизни».

Надо сказать, что статистика в виде более 20 млн. родилась накануне 20-летия Победы уже в недрах ЦК КПСС, после того как ЦСУ СССР представило туда соответствующую информацию. Пока не совсем ясно, какая именно цифра была тогда названа, но, по всем признакам, в диапазоне от 26 млн. до 28 млн. И уже там, в ЦК КПСС, её «переправили» на более 20 млн.¹² С течением времени в пропаганде и на бытовом уровне обозначения «более» и «свыше» постепенно вышли из употребления и остались просто 20 млн.

Специалистам, осуществлявшим в 1964–1965 гг. эти расчёты, не была известна статистика военных потерь, но оценивали они их (в принципе вполне адекватно) в диапазоне от не менее 7 млн. до не более 9 млн.¹³ Поскольку за счёт непомерно преувеличенных оценок гибели гражданского населения на оккупированной территории общее число людских потерь СССР доводилось до 26–28 млн., то оцениваемый в 7–9 млн. человек удельный вес погибших военнослужащих получался неправдоподобно низким – от 26 до 32%. Следовательно, во все эти расчёты изначально был заложен **ложный алгоритм** о якобы значительном преобладании гражданских потерь над военными.

Представленную в начале 1965 г. в ЦК КПСС статистику всех людских потерь СССР (в диапазоне от 26 млн. до 28 млн.) следует, по нашему убеждению, квалифицировать как **фальшивую**, так как она получилась в результате сложения не только вполне достоверных статистических компонентов, но и чудовищно преувеличенных оценок. Если бы в этих расчётах использовались более близкие к реальности данные ЧГК (6,8 млн.), а не сверх всякой меры преувеличенные оценки людских потерь на оккупированной территории (якобы более 16 млн.)¹⁴, то тогда общий итог всех людских потерь СССР получился бы не в рамках 26–28 млн., а менее 20 млн. Поэтому произведённое в аппарате ЦК КПСС а, возможно, и лично Л.И. Брежневым «исправление» этих 26–28 млн. на «более 20 млн.» было не совсем правильным. Правильней было бы исправить на «около 20 млн.» или «почти 20 млн.».

Это ещё не всё. В указанные расчёты были заложены миллионы виртуальных «мёртвых душ», в реальности не существовавших. Чтобы было понятней, приведём такой пример: допустим, в каком-то районе за время войны умерло 300, а родилось 200 человек – разница между ними составляет 100 человек. И вот эту разницу, или отрицательное сальдо между смертностью и рождаемостью, а не реально существовавших людей в больших количествах включали в статистику людских потерь. Имеются сведения, что в указанные выше 26–28 млн. были включены порядка 5,5 млн. (из них свыше 3 млн. – по оккупированной территории и 2,4 млн. – по советскому тылу)¹⁵

такого рода виртуальных «жертв», которые на самом деле погибнуть никак не могли, поскольку их вообще не существовало на свете. Из этого следует вывод, что даже величины «около 20 млн.» или «почти 20 млн.» являются существенно преувеличенными.

Практику включения арифметических величин, составляющих отрицательное сальдо между смертностью и рождаемостью, в общую статистику жертв войны мы считаем совершенно неприемлемой. Поскольку в военное время резко снизилась рождаемость (в основном потому, что десятки миллионов женщин и мужчин по понятным причинам были разведены), то указанное отрицательное сальдо неизбежно образовывалось даже в тех районах, в которых уровень смертности либо оставался примерно таким же, как до войны, либо же увеличился незначительно. Вот тут-то отчётливо высвечивается **порочность** этого метода подсчёта – даже при отсутствии значительного количества реальных жертв можно было (и так на практике делалось) насчитать многие миллионы «дополнительных потерь».

Величину 20 млн. можно признать достоверной только с оговоркой, что она учитывает не только прямые жертвы войны, но и повышенный уровень естественной смертности населения, превышающий соответствующие показатели мирного времени. Данное обстоятельство сделало эти 20 млн. несопоставимыми с соответствующей статистикой других стран (там включают в людские потери только прямые жертвы войны). Иначе говоря, исходя из методик подсчета, принятых в других странах, расчет людских потерь СССР, определяемый величиной в 20 млн., можно назвать даже преувеличенным. И преувеличен он в таком случае, по нашим оценкам, приблизительно на 4 млн. человек, поскольку, как будет показано ниже, методом суммирования конкретных жертв войны (военнослужащих и гражданских лиц) получается около 16 млн. человек.

На деле 20 млн. – это суммарная численность прямых (16 млн.) и косвенных (4 млн.) потерь. Сам этот факт говорит о недостатках и издержках балансового метода исчисления, способного только установить общую численность прямых и косвенных потерь и неспособного их вычленивать и отделить друг от друга. И здесь невольно получается методологически неверное суммирование прямых и косвенных потерь, приводящее к определенной девальвации понятия «жертвы войны» и преувеличению их масштаба. Напомним, в соответствующих статистиках других стран косвенные потери отсутствуют. Вообще-то проблема косвенных потерь – это отдельная тема, и здесь должна, по идее, существовать отдельная статистика, и если и включать их в общее число людских потерь в войне, то надо сопровождать это рядом серьезных оговорок. Поскольку разъ-

яснений такого рода никогда не делалось, то в общественном сознании величина в 20 млн. искажённо воспринималась как общее число именно прямых жертв войны.

В течение четверти века (1965–1989 гг.) эти 20 млн. являлись официальными данными потерь СССР в Великой Отечественной войне. Но в конце 1980-х гг., в разгар горбачевской перестройки, когда критиковались и ниспровергались многие прежние стереотипы и представления, это же коснулось и указанных официальных данных потерь. В публицистике они тогда клеймились как «фальшивые», и утверждалось, что на самом деле количество жертв войны было намного больше (свыше 40 млн.). Причем эти заведомо ложные утверждения активно внедрялись в массовое сознание. Звучали призывы «установить правду о потерях». На волне этого «правдоискательства» с 1989 г. началась довольно бурная деятельность по «пересчёту» людских потерь СССР в 1941–1945 гг.

Фактически всё это являлось составной частью инспирированной горбачевским Политбюро широкой пропагандистской кампании по «разоблачению сталинизма». Вся тогдашняя пропаганда была построена с таким расчётом, чтобы Сталин выглядел единственным виновником (Гитлера редко упоминали) огромных людских потерь в Великой Отечественной войне, и существовала предрасположенность (с целью усиления степени негативности образа Сталина и «сталинизма» в общественном сознании) «отменить» 20 млн. и «насчитать» намного больше.

С марта 1989 г. по поручению ЦК КПСС работала государственная комиссия по исследованию числа человеческих потерь СССР в Великой Отечественной войне. Особенностью психологического настроя членов этой комиссии являлось убеждение, что тогдашние официальные данные людских потерь СССР в войне (20 млн.) якобы «приблизительные» и «неполные» (что было их заблуждением) и ей, комиссии, надо насчитать значительно больше. Они рассматривали применявшийся ими метод демографического баланса как «новаторский», не понимая или не желая понимать, что именно таким же методом велись подсчёты и в первой половине 1960-х гг.

В изданной в 1995 г. «Всероссийской Книге Памяти» подробно описана методика подсчётов, по результатам которых получилось почти 27 млн. (точнее – 26,6 млн.) всех людских потерь СССР в Великой Отечественной войне. Поскольку для наших дальнейших выводов имеют значение даже самые мельчайшие подробности и нюансы, то ниже мы приводим это описание дословно и полностью: «Общие людские потери, исчисленные комиссией с помощью балансового метода, включают всех погибших в результате военных и иных действий противника, умерших вследствие повышенного уровня смертности в период войны

на оккупированной территории и в тылу, а также лиц, эмигрировавших из СССР в годы войны и не вернувшихся после её окончания. В число прямых людских потерь не включаются косвенные потери: от снижения рождаемости в период войны и повышенной смертности в послевоенные годы.

Подсчет потерь балансовым методом производился за период с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1945 г. Верхняя граница периода была отодвинута от момента окончания войны на конец года, чтобы учесть умерших от ран в госпиталях, репатриацию в СССР военнопленных и перемещенных лиц из числа гражданского населения и репатриацию из СССР граждан других стран.

Демографический баланс предполагает сопоставление населения в одних и тех же территориальных границах. Для расчётов были приняты границы СССР на 22 июня 1941 г.

Оценка численности населения СССР на 22 июня 1941 г. получена путём передвижения на указанную дату итогов предвоенной переписи населения страны (17 января 1939 г.) с корректировкой чисел рождений и смертей за два с половиной года, прошедших от переписи до нападения фашистской Германии. Таким образом, численность населения СССР на середину 1941 г. определяется в 196,7 млн. человек. На конец 1945 г. эта численность рассчитана путем передвижки назад возрастных данных Всесоюзной переписи 1959 г. При этом использована уточнённая информация о смертности населения и данные о внешней миграции за 1946–1958 гг. Расчёт произведён с учётом изменения границ СССР после 1941 г. В итоге население на 31 декабря 1945 г. определено в 170,5 млн. человек, из которых 159,5 млн. – родившиеся до 22 июня 1941 г.

Общее число погибших, умерших, пропавших без вести и оказавшихся за пределами страны за годы войны составило 37,2 млн. человек (разница между 196,7 и 159,5 млн. человек). Однако вся эта величина не может быть отнесена к людским потерям, вызванным войной, так как и в мирное время (за 4,5 года) население подверглось бы естественной убыли за счёт обычной смертности. Если уровень смертности населения СССР в 1941–1945 гг. брать таким же, как в 1940 г., то число умерших составило бы 11,9 млн. человек. За вычетом указанной величины людские потери среди граждан, родившихся до начала войны, составляют 25,3 млн. человек. К этой цифре необходимо добавить потери детей, родившихся в годы войны и тогда же умерших из-за повышенной детской смертности (1,3 млн. человек). В итоге общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне, определённые методом демографического баланса, равны 26,6 млн. человек»¹⁶.

Несмотря на кажущуюся фундаментальность и солидность указанных расчётов, у нас по мере неоднократных попыток их перепроверить не-

уклонно росло подозрение такого рода: а являются ли они, эти расчёты, результатом корректного подхода и не сокрыта ли здесь фальсификация? Наконец, стало ясно в чём дело: за подробным и внешне беспристрастным описанием методики подсчёта была сокрыта статистическая манипуляция, призванная увеличить прежние официальные данные потерь на 7 млн. человек (с 20 млн. до 27 млн.) посредством занижения на то же количество (на 7 млн.) масштабов естественной смертности в 1941-1945 гг. исходя из уровня смертности населения СССР в 1940 г. (без указания конкретного числа умерших в 1940 г.). Логика здесь, по-видимому, была такая: всё равно никто не знает, сколько людей в СССР умерло в 1940 г., и не сможет проверить.

Проверить, однако, можно. По расчетам Госкомстата, в 1940 г. в СССР умерло 4,2 млн. человек. Эта цифра была опубликована в 1990 г. в журнале «Вестник статистики»¹⁷. Она же фигурирует в вышедшем в 2000 г. 1-м томе фундаментального научного труда «Население России в XX веке»¹⁸. Это означает, что за 4,5 года (с середины 1941 г. до конца 1945 г.), если исчислять в соотношении 1:1 к уровню смертности населения СССР в 1940 г., умерло бы 18,9 млн. (4,2 млн. x 4,5 года = 18,9 млн.). Это такое количество людей, которые всё равно бы умерли в указанный период (1941-1945), даже если бы не было войны, и их надо вычитать из любых расчетов по определению людских потерь вследствие войны.

Комиссия, работавшая в 1989-1990 гг., это понимала и произвела соответствующую операцию в своих расчётах, но вычла (исходя якобы из уровня смертности в СССР в 1940 г.) только 11,9 млн. человек. А надо-то было вычитать 18,9 млн.! Именно таким способом были получены «дополнительные» 7 млн. потерь (18,9 млн. – 11,9 млн. = 7 млн.), в результате чего официальные данные людских потерь СССР в Великой Отечественной войне были увеличены в 1990 г. с 20 млн. до 27 млн. человек. По сути эти 27 млн. есть такая же профанация, что и сталинские 7 млн. – только наизнанку.

Такова подоплёка появления новой официальной статистики людских потерь в войне. Все прочие существовавшие и существующие версии её происхождения, включая забавную «математическую формулу» (сталинские 7 млн. + хрущевские 20 млн. = горбачевские 27 млн.)¹⁹, являются, разумеется, ошибочными.

Новая официальная статистика получилась такого же масштаба, что и представленные ЦСУ СССР в начале 1965 г. в ЦК КПСС данные, «исправленные» там «на более 20 млн.». Подсчёты, сделанные в начале 1965 г. (от 26 млн. до 28 млн.), легко опровергаются, так как при их изучении сразу же «всплывают» заложенные туда более 10 млн. «лишних» (виртуальных) жертв на оккупиро-

ванной территории. Сделанные же в 1989-1990 гг. подсчёты, в такой же мере недостоверные, выполнялись по более изощренной методике, и поэтому их недостоверность не так очевидна.

8 мая 1990 г. президент СССР М.С. Горбачев в докладе, посвященном 45-летию Победы, сказал, что «война унесла почти 27 миллионов жизней советских людей»²⁰. Отметим, что Горбачев употребил ту же формулировку («унесла жизни»), что Хрущев и Брежнев. С этого времени, т.е. с мая 1990 г., эти почти 27 млн. (иногда называют «точнее» – 26,6 млн.) стали официальными данными людских потерь СССР в Великой Отечественной войне. Причем зачастую в пропаганде вместо достаточно корректного выражения «война унесла жизни», подразумевающего демографические потери в широком плане, употребляется глагол «погибнуть», что является серьёзным смысловым искажением (тогда надо вычленять прямые жертвы войны в составе общих демографических потерь).

Несмотря на господствовавшее восприятие этих новых официальных данных (27 млн.) людских потерь СССР в войне как якобы истины в последней инстанции, всё-таки в исторической науке полного единодушия не было, и имели место оценки, ставившие под серьёзное сомнение их достоверность. Так, известный историк доктор исторических наук А.К. Соколов в 1995 г. отмечал: «...Хотелось бы напомнить отдельным авторам, склонным к преувеличениям, что Россия по мировым стандартам и с учетом ее территории – страна в общем-то малонаселенная... Странное представление о неисчерпаемости ее людских ресурсов – миф, на который работает большинство авторов, «разбрасывающихся» направо и налево десятками миллионов жертв... Численность погибших в годы войны всё-таки меньше, чем 27 млн. человек»²¹.

Но такие вполне здравые оценки новой официальной статистики были относительной редкостью. Гораздо чаще звучали призывы скорректировать её в сторону значительного увеличения масштаба потерь. В июне 1991 г. было опубликовано интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г., в котором утверждалось, что СССР потерял во Второй мировой войне 44 млн. человек²². В свете этого в первой половине 1990-х гг. в научной, публицистической и журналистской среде нередко задавался вопрос: что же теперь считать официальными данными людских потерь в войне – горбачевские 27 млн. или солженицынские 44 млн.? Этот вовсе не риторический вопрос был снят с повестки дня в мае 1995 г., когда на торжествах по случаю 50-летия Победы президент РФ Б.Н. Ельцин озвучил ту же самую цифру²³, которую пятью годами раньше назвал М.С. Горбачев. После этого стало окончательно понятно, что почти 27 млн. – это официальная

статистика. Это также означало, что названная А.И. Солженицыным цифра (44 млн.) на высшем государственном уровне была признана неправильной (хотя об этом прямо не говорилось).

Тем не менее мифическая статистика в виде якобы более 40 млн. жертв войны отнюдь не ушла в небытие. Иногда предпринимались довольно активные попытки представить эти более 40 млн. подлинной статистикой, а 27 млн. – «заниженной». Так, в статье Ю.Л. Дьякова, вышедшей в 2005 г., утверждается, что «проблему суммарных потерь армии и мирного населения решают демографические исследования, которые и вычислили страшную цифру – более 40 млн. погибших»²⁴. Здесь автор даже придумал для убедительности некие «демографические исследования», на основе которых якобы была вычислена эта цифра. На самом же деле та статистика, которую отстаивал и пропагандировал Ю.Л. Дьяков, представляла из себя сильно преувеличенные умозрительные и интуитивные оценки, рождавшиеся в публицистической и журналистской среде и не базировавшиеся ни на каких конкретных подсчётах.

С начала 1990-х гг. в научной среде стали известны результаты исчисления общих военных потерь, проведенные коллективом военных историков во главе с генерал-полковником Г.Ф. Кривошеевым. Согласно им, все потери военнослужащих убитыми и умершими (включая погибших в плену) составляли почти 8,7 млн. человек (точнее – 8668,4 тыс.)²⁵. Все эти расчёты были опубликованы в 1993 г. в статистическом исследовании «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». Указанная величина общих потерь военнослужащих убитыми и умершими на самом деле была недостоверной, существенно ниже реальных потерь, но тем не менее быстро вошла в научный оборот.

Таким образом, в течение 1990–1993 гг. для специалистов и более широкой аудитории были «запущены» две фактически фальшивые цифры: завышенные почти 27 млн. (общие людские потери) и заниженные почти 8,7 млн. (общие военные потери). Причем даже в сознании многих специалистов (не всех) эти цифры воспринимались как некие догматы, не подлежащие сомнению и оспариванию. И тут началось нечто, выходящее за рамки здравого смысла. С ходу определили общее количество (18,3 млн.) гражданских потерь убитыми и замученными (27 млн. – 8,7 млн. = 18,3 млн.), и стала пропагандироваться нелепейшая идея об «особом характере Великой Отечественной войны, в которой гражданские потери значительно превосходили военные». Любому здравомыслящему человеку ясно и понятно, что такого соотношения между военными и гражданскими потерями по определению быть не могло и что погибшие военнослужащие, безусловно, преоб-

ладали в общем составе прямых людских потерь. Невозможно оспорить тот факт, что в многочисленных братских могилах от Москвы до Берлина покоятся в основном люди в военной форме.

Тем не менее эти фантастические 18,3 млн. «гражданских жертв войны» стали «гулять» по страницам различных изданий. Поскольку эта величина документально никак не подтверждалась, то прослеживалась тенденция объяснить это неким виртуальным недоучётом гибели гражданского населения на территории СССР, подвергавшейся вражеской оккупации. Так, А.А. Шевяков в статье, опубликованной в 1991 г., уверенно констатировал: «В результате массового истребления мирного населения, преднамеренной организации голода на самих оккупированных советских территориях и гибели угнанного населения на немецкой каторге Советский Союз лишился 18,3 млн. своих граждан»²⁶. Шевяков нашел и объяснение того, почему раньше (в течение более 45 лет после войны) такие гигантские масштабы гибели гражданского населения на оккупированных территориях никому не были известны и никто о них даже и не подозревал. Основную «вину» за это он возложил на ЧГК, которая, по его словам, «на местах состояла нередко из малоквалифицированных людей, не обладавших политическим чутьём и методикой выявления фашистских злодеяний»²⁷.

Претензии А.А. Шевякова к ЧГК в данном вопросе совершенно несправедливы. Местные комиссии ЧГК провели кропотливую работу по установлению потерь (убитыми и замученными) гражданского населения на бывшей оккупированной территории. Всего ими было насчитано 6,8 млн. таких жертв. До конца 1960-х гг. эта цифра была строго засекречена и впервые опубликована в 1969 г. в статье бывшего главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко²⁸. Она же приведена и в вышедшем в 1973 г. 10-м томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»²⁹. Какого-либо серьёзного недоучёта, вопреки утверждению Шевякова, в статистике ЧГК не прослеживается, а вот завышение данных, бесспорно, присутствует. Так, местные комиссии ЧГК нередко учитывали как погибших всех прежде здесь проживавших жителей сожжённых безлюдных деревень, а потом выяснялось, что эти люди вовсе не погибли, а просто переселились на жительство в другие районы. В число жертв включали даже людей, находившихся в эвакуации. По этому поводу академик РАН Ю.А. Поляков отмечал: «Известно, например, что по многим городам сразу после войны людей, эвакуировавшихся в 1941 году и не вернувшихся, заносили в списки потерь, а потом они возвращались откуда-нибудь из Ташкента или Алма-Аты»³⁰. На практике же местные комиссии ЧГК вносили в списки погибших и за-

мученных немало живых людей, отсутствовавших по различным другим причинам. Следует также отметить, что в практике работы этих комиссий понятие «замученные» трактовалось широко, фактически позволяя включать в их число в широких масштабах и естественную смертность населения.

Для нас совершенно ясно, что данные ЧГК о гибели гражданского населения на оккупированной территории (6,8 млн.) преувеличены не менее чем в 2 раза. Конечно, отрицать геноцид, террор и репрессии оккупантов и их пособников нельзя, и, по нашим оценкам, такие жертвы, с учетом боевых потерь партизан из числа местных жителей, составляли никак не менее 3-х млн. человек. Это – основная составная часть прямых жертв войны среди гражданского населения СССР.

В зарубежной литературе прослеживается тенденция определять масштаб жертв геноцида, террора и репрессий на оккупированной территории СССР (имеется в виду только гражданское население) величинами обычно в диапазоне от 700 тыс. до 900 тыс., иногда – немногим выше 1 млн. человек. Но мы продолжаем настаивать, что именно наша оценка (не менее 3 млн. человек) ближе к истине. Зарубежные авторы принципиально ограничивают территорию СССР границами по состоянию на 1 сентября 1939 г. и дают соответствующие оценки только по «старым советским областям», исключая Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию и Северную Буковину (а ведь именно в этих регионах количество только жертв Холокоста оценивается величинами, значительно превышающими 1,5 млн. человек)³¹. Наша же принципиальная позиция прямо противоположная – мы считаем все вышеперечисленные регионы составной частью СССР (в его границах на 21 июня 1941 г.). Собственно, в основном из-за этого различия в трактовке понятия «территория СССР» наша оценка масштабов гибели гражданского населения на оккупированной советской территории значительно расходится с соответствующими оценками, бытующими в зарубежной литературе.

В российской литературе последних десятилетий господствующей тенденцией было стремление представить статистику ЧГК (6,8 млн.) якобы «неполной», «заниженной» и поэтому «недостовой». Чтобы увеличить её масштаб, для начала придумали 0,6 млн. «дополнительных» потерь (будто бы не учтённых ЧГК) и вывели новую величину – 7,4 млн. человек (6,8 млн.+0,6 млн.=7,4 млн.). Что же это за так называемые «дополнительные» потери? Оказывается, немцы якобы преднамеренно заражали опасными инфекционными бактериями (бактериями) целые районы оккупированной территории, чтобы вызвать массовую смертность местного населения, в результате

чего «дополнительно» погибли 0,6 млн. человек (почему именно сочинили величину в 0,6 млн., а не какое-то другое количество, – никто объяснить не может). При этом никаких доказательств не приводится, и их не может быть, потому что описанная ситуация является придуманной некоторыми современными российскими авторами и не соответствующей действительности. Ведь на оккупированной территории проживало не только местное население, но также находились оккупационные войска, администрация, полиция и т.д. (а вредоносные бактерии не разбирают, кто есть местный житель, а кто – солдат оккупационных войск). Из опасения заразить самих себя немцы, разумеется, не занимались заражением оккупированной территории вредоносными бактериями. Однако, несмотря на очевидную несостоятельность этой «версии», «дополнительные» 0,6 млн. были включены в общее число людских потерь на оккупированной территории, и новый статистический суррогат в 7,4 млн. «прижился» в отечественной историографии. Так, в вышедшем в 2001 г. солидном статистическом исследовании «Россия и СССР в войнах XX века» чёрным по белому записано: «Всего было преднамеренно истреблено мирного населения на оккупированной территории более 7,4 млн. человек»³².

Дальше – больше. Авторам книги «Россия и СССР в войнах XX века» величина в 7,4 млн. показалась недостаточной, и они, приплюсвав к ней ещё 4,1 млн., получили в итоге более 11,5 млн. жертв гражданского населения на оккупированной территории СССР³³. Как же это получилось? Мимоходом упомянув какие-то «социологические исследования» и «имеющиеся данные» (под последними чаще всего имелись в виду нелепые статистические «изыскания» А.А. Шевякова), авторы этого труда определили в 4,1 млн. человек фактическое превышение смертности на оккупированной территории над средними значениями мирного времени. По их версии, более 7,4 млн. было преднамеренно истреблено и 4,1 млн. – погибло от преднамеренно жестоких условий оккупационного режима, т.е. от голода, инфекционных болезней, отсутствия медицинской помощи и т.п. Но дело в том, что по большей части здесь получается дублирование, так как в своё время комиссии ЧГК старались таковых учитывать и включали их в категорию «замученные».

Чтобы убедительней показать несостоятельность «новой статистики» в виде 11,5 млн. жертв на оккупированной территории, следует пояснить, что авторы книги «Россия и СССР в войнах XX века» в качестве отправной точки для перерасчётов избрали не вызывающие абсолютно никакого доверия и поэтому совершенно не используемые в научной литературе «подсчёты» А.А. Шевякова, согласно которым на оккупиро-

ванной советской территории якобы только от голода и эпидемий умерли 8,5 млн. человек³⁴. Понимая, что эта «статистика» слишком недостоверна, авторы указанной книги произвели с ней определённую манипуляцию, сократив более чем в 2 раза (с 8,5 млн. до 4,1 млн.)³⁵, что отнюдь не привело к её трансформации из недостоверной в достоверную. Всё, что теперь известно о жизни на оккупированной территории, а также элементарный здравый смысл показывают, что масштаб смертности от голода там никак не мог превышать соответствующего масштаба в блокаде Ленинграде. И тех, кто действительно умер от голода или неокказания медицинской помощи при тяжёлой болезни, местные комиссии ЧГК вносили в списки потерь. Поэтому сводную статистику ЧГК (6,8 млн.), и без того, как мы показали выше, преувеличенную примерно в 2 раза, совершенно не нужно было «дополнять» новыми придуманными жертвами и доводить её сначала до 7,4 млн., а потом – до 11,5 млн. Все эти «дополнения» – это этапы конструирования ложной статистики.

Надо сказать, что в современной отечественной литературе статистика жертв гражданского населения на оккупированной территории СССР в виде 11,5 млн. человек используется крайне редко, так как большинство авторов осознают её искусственность и недостоверность. Гораздо чаще используется величина в 7,4 млн. (тоже недостоверная, но в меньшей степени). Для восприятия же достоверной статистики в виде не менее 3 млн. человек современное поколение отечественных исследователей и публицистов пока психологически не созрело. Не так-то легко отрешиться от вбиваемого десятилетиями в их головы всякого рода статистического суррогата.

В литературе и публицистике распространено странное представление, что проблема выяснения потерь гражданского населения будто бы касается только территории, подвергавшейся оккупации (отсюда и тенденция придумывать применительно к ней мифические «новые жертвы», поскольку иначе не получается свести концы с концами и получить в итоге искомые почти 27 млн. всех людских потерь), а не всего СССР. В действительности же работавшая в 1989-1990 гг. комиссия в исчисленные ею общие людские потери (26,6 млн.) включила «умерших вследствие повышенного уровня смертности в период войны на оккупированной территории и в тылу»³⁶. Обращаем внимание на концовку этой фразы: **и в тылу**. Это означает, что комиссия имела в виду **всю территорию СССР**. Поэтому повышенная смертность гражданских лиц в советском тылу на почве недоедания, перегрузок на работе и т.п. тоже входит в указанную общую статистику потерь. Мы же решительно против включения их в прямые жертвы войны. Можно, конечно,

дискутировать по вопросу о том, применима ли к ним формулировка «война унесла жизни», но и даже при такой формулировке всех умерших гражданских лиц в советском тылу (за исключением погибших от бомбёжек, артобстрелов и т.п.), по нашему мнению, не следует включать в статистику прямых людских потерь вследствие войны. Речь в данном случае можно вести только о **повышенном уровне естественной смертности** гражданского населения в советском тылу.

В прямые гражданские жертвы войны входят и умершие советские граждане, угнанные на принудительные работы в Германию и находившиеся там на положении так называемых «восточных рабочих» («остарбайтер»). Если строго опираться на имеющиеся в исторических источниках статистические данные (что является нашей профессиональной обязанностью), то о масштабах смертности «остарбайтер» можно дискутировать только в следующем диапазоне: от 100 тыс. до 200 тыс. человек. Но это такая сфера, где начисто игнорируются прямые показания исторических источников и взамен них преподносятся нелепые и фантастические «предположения» и «расчеты» с виртуальными «миллионами жертв». А.А. Шевяков «насчитал» даже два варианта нелепейшей «статистики» гибели советских гражданских лиц на работах в Германии – 2,8 млн. и 3,4 млн.³⁷ Ложная статистика приведена и во «Всероссийской Книге Памяти», и в книге «Россия и СССР в войнах XX века» – якобы таких жертв было 2164313 человек³⁸. «Точность» этой цифры не должна вводить в заблуждение – это для отвода глаз. Вся эта «статистика» ни в каких документах не фигурирует и целиком является плодом авторских фантазий.

Однако существует относительно надёжный исторический источник в виде сводной немецкой статистики смертности «восточных рабочих» по отдельным месяцам. К сожалению, по ряду месяцев таких сводок исследователям выявить не удалось, но и по имеющимся можно составить достаточно ясную картину масштаба их смертности. Приводим численность умерших «остарбайтер» по отдельным месяцам 1943 г.: март – 1479, май – 1376, октябрь – 1268, ноябрь – 945, декабрь – 899; за 1944 г.: январь – 979, февраль – 1631 человек³⁹. Эта статистика учитывает смертность не только тех «восточных рабочих», которые находились в арбайтлагерях и по месту жительства хозяев, но и помещенных за различные «преступления» в концлагеря. Опираясь на эти данные и используя метод экстраполяции (с учетом возможных скачков в уровне смертности в отдельных месяцах, по которым нет сведений), П.М. Полян определил общую смертность «восточных рабочих» в диапазоне от 80 тыс. до 100 тыс.⁴⁰ В принципе с Поляном можно согласиться, но нас смущает одно обстоятельство – отсутствие сведений за последние месяцы войны, а в связи с перенесением военных

действий на территорию Германии масштабы гибели «восточных рабочих», по ряду косвенных признаков, значительно возросли (это, кстати, касалось и немецкого гражданского населения). Поэтому мы склонны определить численность погибших и умерших советских гражданских лиц («восточных рабочих») в Германии величиной около 200 тыс.

В прямые гражданские потери входят погибшие бойцы гражданских добровольческих формирований – незавершенных формирований народного ополчения, отрядов самообороны городов, истребительных отрядов, боевых групп партийно-комсомольского актива, спецформирований различных гражданских ведомств и др. (потери партизан из числа местных жителей входят в общую статистику жертв на оккупированной территории), а также гибель гражданского населения от бомбежек, артобстрелов и т.п. Эти жертвы исчисляются многими сотнями тысяч. Составной частью прямых гражданских потерь являются ленинградские блокадники (по статистике ЧГК, почти 642 тыс. умерших)⁴¹.

Суммируя все вышеприведенные составляющие прямых гражданских потерь, к которым без всяких натяжек применим термин «жертвы войны», мы определяем их общее количество величиной как минимум 4,5 млн. человек.

Что касается военных потерь убитыми и умершими, то они составляли не менее 11,5 млн. (а отнюдь не почти 8,7 млн.). Речь идет об общем числе военнослужащих, не доживших до конца войны, и их мы условно подразделяем на три группы: 1) боевые потери; 2) не боевые потери; 3) умершие в плену.

Боевые потери военнослужащих мы определяем величиной около 7 млн. (большинство их погибло непосредственно на поле боя). Наши оценки относительно боевых потерь убитыми и умершими несколько расходятся с указанной в книге «Гриф секретности снят» величиной – 6329,6 тыс.⁴² Однако это расхождение можно устранить посредством объяснения одного явного недоразумения. В одном месте этой книги отмечено: «Около 500 тыс. погибло в боях, хотя по донесениям фронтов они были учтены как пропавшие без вести»⁴³. Но в общее число боевых потерь (6329,6 тыс.) эти около 500 тыс. человек авторами книги «Гриф секретности снят» почему-то не включены, несмотря на их же собственное утверждение, что они погибли в боях. Поэтому, когда мы утверждаем, что боевые потери убитыми и умершими составляли около 7 млн., то надо иметь в виду, что это с учетом оценочной численности погибших в боях в составе пропавших без вести.

Так называемые **не боевые** потери составляют свыше 0,5 млн. человек. Это военнослужащие, умершие от болезней, а также удручающе боль-

шое количество погибших в результате всякого рода происшествий и несчастных случаев, не связанных с боевой обстановкой. Сюда же входят почти 160 тыс. расстрелянных по приговорам военных трибуналов и приказам командиров в основном за трусость и дезертирство. В книге «Гриф секретности снят» указано общее количество всех этих не боевых потерь – 555,5 тыс. человек⁴⁴.

В общее число военных потерь убитыми и умершими входят также почти 4 млн. советских военнопленных. Нам могут возразить, что в отечественной и зарубежной литературе называются другие цифры, значительно ниже указанной величины. В книге «Гриф секретности снят» в рубрике «Не вернулось из плена (погибло, умерло, эмигрировало в другие страны)» в качестве итоговой цифры указана непонятная и вызывающая острое недоверие у специалистов величина – 1783,3 тыс. человек⁴⁵. Эту цифру следует сразу же отбросить ввиду её очевидной абсурдности. Несравненно ближе к истине стоят данные немецкой сводной статистики, согласно которым в немецком плену умерли 3,3 млн. советских военнопленных⁴⁶. Эта цифра является наиболее ходовой в научной литературе и не вызывает особого недоверия у специалистов. Однако изучение методики подсчета немецких сводных данных выявило весьма существенную их неполноту – от 600 тыс. до 700 тыс. советских военнопленных, которые в действительности погибли в плену, не вошли в немецкую сводную статистику смертности. Чтобы эти наши утверждения не выглядели голословными, мы приведем следующую аргументацию. Во-первых, сводная немецкая статистика смертности советских военнопленных (3,3 млн. человек) по состоянию на 1 мая 1944 г., а война-то продолжалась ещё целый год, за который отсутствуют соответствующие сведения; во-вторых, указанная сводная статистика состоит как бы из двух частей, где данные за 1942-1944 гг. можно признать полными, поскольку отсчёт вёлся от момента пленения, а вот за 1941 г. немцы «вмонтировали» в неё, сводную статистику, только данные лагерной статистики, т.е. не учтены пленные, погибшие в 1941 г. в промежуток времени от момента пленения до момента поступления в лагерь (это крупный недоучёт – по нашим оценкам, не менее 400 тыс. советских пленных немцы в 1941 г. не довели живыми до лагерей). В-третьих, указанная статистика касается только немецкого плена, и там не отражена смертность советских военнопленных в финском и румынском плену. Опираясь на эту аргументацию, мы продолжаем настаивать, что масштаб смертности советских военнопленных (суммарно по немецкому, финскому и румынскому плену) составлял более 3,9 млн. или почти 4 млн. человек.

Таким образом, общие потери военнослужащих убитыми и умершими (включая погибших в

плону) составляли как минимум 11,5 млн. человек. Утверждение авторов книги «Гриф секретности снят», что все эти потери военнослужащих в сумме составляли почти 8,7 млн. (точнее – 8668,4 тыс.), безусловно, является ошибочным. Это в основном произошло из-за того, что авторы этой книги совершенно неправильно определили масштаб смертности советских военнопленных, существенно занизив его.

Странно, что авторы книги «Гриф секретности снят» проигнорировали данные ЧГК, согласно которым на оккупированной территории СССР было убито и замучено 3912883 советских военнопленных. Эти подсчёты были сделаны уже к осени 1945 г., но тогда И.В. Сталин их не утвердил и не допустил их публикации⁴⁷. Позиция Сталина понятна – ведь эти подсчёты никак не укладывались в сконструированную им же самим ложную статистику всех людских потерь СССР, составляющих якобы около 7 млн. человек. Получалось, что более половины всех этих потерь составляли военнослужащие, погибшие и умершие в плену, а менее половины – все остальные потери (включая погибших на фронте). Такая ситуация выглядела бы слишком неправдоподобной, и, в случае обнаружения указанной статистики ЧГК, пришлось бы существенно скорректировать в сторону увеличения и общую статистику людских потерь страны. Ради сохранения официальной статистики всех людских потерь СССР (7 млн. человек) публикация указанных данных ЧГК о смертности советских военнопленных была, естественно, совершенно исключена. С этим нам всё ясно и понятно.

Понятно также и то, что весной 1956 г. комиссия Г.К. Жукова, созданная по заданию Президиума ЦК КПСС для выяснения судьбы бывших советских военнопленных, просто физически не могла использовать данные ЧГК о масштабах их смертности в плену (свыше 3,9 млн.), поскольку определила общее число попавших в плен военнослужащих величиной, ненамного превышавшей 2,6 млн. человек, из числа которых, по уверению этой комиссии, умерло в плену свыше 600 тыс.⁴⁸ С высоты сегодняшнего дня (в плане степени изученности этой проблемы) совершенно ясно, что комиссия Г.К. Жукова в 1956 г. фактически сфабриковала ложную, сильно приуменьшенную статистику советских военнопленных (это касается и общего числа попавших в плен, и особенно масштабов их смертности в плену). Но в ситуации 1956 года, когда сохранялась официальная статистика всех людских потерь СССР в виде 7 млн., именно данные комиссии Г.К. Жукова (в отличие от данных ЧГК) были востребованными, поскольку они органически вписывались в тогдашнюю **фальшивую** статистику всех военных и гражданских жертв войны, не противоречили ей и не ставили её под сомнение. Главным здесь было поддержание «достоверности» официальной **фальшивой** ста-

тики, и все её составляющие (включая численность погибших и умерших во вражеском плену советских военнослужащих) тоже обязательно должны были быть **фальшивыми**.

Но не совсем понятно, зачем авторы сборника «Гриф секретности снят» полностью проигнорировали данные ЧГК и занимались конструированием заниженной и, соответственно, заведомо неправильной статистики гибели советских военнопленных, если они, авторы этого сборника, работали в то время (начало 1990-х гг.), когда официальные данные всех людских потерь СССР составляли не 7 млн., а были доведены до почти 27 млн. человек? Ведь теперь указанная статистика ЧГК относительно масштабов смертности советских военнопленных вполне укладывалась в официальные данные всех людских потерь СССР и никак им не противоречила. У авторского коллектива указанного сборника не было никаких препятствий для получения этой статистики ЧГК, так как с конца 1960-х гг. она уже не являлась секретной и неоднократно публиковалась, в том числе в солидных научных трудах и энциклопедиях⁴⁹.

Может возникнуть вопрос: а насколько достоверна эта статистика ЧГК? И тут мы сталкиваемся с неожиданной коллизией, заключающейся в том, что данная статистика учитывает смертность советских военнопленных только на оккупированной советской территории. Однако, по нашим оценкам и расчётам, на территории Германии и других европейских стран умерли не менее 1,5 млн. советских пленных⁵⁰, которые в статистике ЧГК не учтены, но если их к ней приплюсовать, то в сумме получается порядка 5,4 млн. человек (1,5 млн. + 3,9 млн. = 5,4 млн.). Но по нашим расчётам общее число погибших и умерших советских военнопленных не могло превышать 4 млн., из чего следует, что соответствующая статистика ЧГК преувеличена примерно на 1,4 млн. человек (5,4 млн. – 4,0 млн. = 1,4 млн.). Этому есть объяснение – ведь местным комиссиям ЧГК при соответствующих подсчётах зачастую приходилось опираться на результаты опросов свидетелей, а здесь уже вступал в силу субъективный фактор, и в ряде свидетельских показаний наверняка присутствовало сильное преувеличение.

Отметим, что 11,5 млн. – это количество людей, являвшихся на момент смерти военнослужащими. В эту статистику не входят умершие еще во время войны демобилизованные искалеченные военнослужащие, так как на момент смерти они являлись уже гражданскими лицами. Они являются составной частью косвенных людских потерь и входят в определяемый нами примерно в 4 млн. человек скачок в естественной смертности населения вследствие войны. Коллектив военных историков во главе с Г.Ф. Кривошеевым при своих расчетах военных потерь убитыми и умершими об этих людях напрочь «забыл».

Следовательно, методом сложения конкретных прямых потерь получается приблизительно 16 млн., из них 11,5 млн. – военные, 4,5 млн. – гражданские. И именно таким способом принято исчислять потери в других воевавших странах. Например, общие людские потери Японии во Второй мировой войне (2,5 млн. человек)⁵¹ были исчислены исходя из специфики японских потерь, посредством сложения их составляющих: погибшие на войне + умершие в плену + жертвы бомбёжек, в том числе от американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Так называемый балансовый метод при подобных расчетах не использовался ни в Японии, ни в других странах. И это правильный подход: общее число жертв войны, безусловно, надо исчислять посредством сложения разных компонентов конкретных потерь.

Но можно и балансовым методом доказать, что прямые людские потери (жертвы войны) СССР составляли около 16 млн. Для этого надо установить корректное соотношение уровня естественной смертности между относительно благополучным в демографическом плане 1940 г. и экстремальными 1941-1945 гг. Соотношение 1:1, установленное работавшей в 1989-1990 гг. комиссией, нельзя признать корректным. Ведь было же понятно, что в 1941-1945 гг. в связи с ухудшением условий жизни, отсутствием дефицитных лекарств и т.п. уровень естественной смертности населения неизбежно возрастет. И здесь необходима поправка в сторону увеличения при исчислении этого уровня применительно к экстремальным 1941-1945 гг. и установить его в рамках не 18,9 млн., а довести хотя бы до 22 млн. Эта величина (22 млн.) является, по нашему мнению, минимально допустимым уровнем естественной смертности населения в 1941-1945 гг. По нашим подсчетам и оценкам, к концу 1945 г. не было в живых порядка 38 млн. человек, живших до войны, а также родившихся во время войны и тогда же умерших (в это число входят и лица, которые на самом деле были живы, но находились в эмиграции), и если из этого количества вычесть указанные 22 млн., то остается 16 млн. жертв войны (38 млн. – 22 млн. = 16 млн.).

А теперь сравним это с описанной в изданной в 2006 г. книге «Демографическая модернизация России» методикой подсчетов, по итогам которой получились названные в 1965 г. Л.И. Брежневым более 20 млн. потерь: «Сохранившиеся в архиве ЦСУ СССР документы позволяют приблизительно восстановить методику расчетов и статистические материалы, лежащие в основе этой оценки. Они опирались на данные и оценки численности гражданского населения, погибшего (прямые потери) на оккупированных территориях (13,1 млн. человек), оценки военных потерь (от 7 до 8,8 млн. человек) и оценки потерь, объединённых в

достаточно невнятную категорию «превышение резко увеличившейся смертности над сильно сократившейся рождаемостью» на оккупированных территориях (3,0-3,5 млн. человек). К этим потерям было добавлено ещё 2,4 млн. человек – превышение смертности над рождаемостью по не оккупированной территории. В сумме получено от 25,5 до 27,8 млн. человек. Результаты расчетов были переданы «наверх» и там трансформировались в расплывчатую формулу «свыше 20 миллионов»⁵².

Что об этом можно сказать? При данных расчетах активно использовалось отрицательное сальдо между смертностью и рождаемостью на оккупированной территории и в советском тылу, т.е. в сводную статистику вошли не только погибшие и замученные люди, но и арифметические величины (но не конкретные люди), составляющие разницу между показателями (расчётными) смертности и рождаемости. Это означает, что подсчёт фактически вёлся методом суммирования реальных и виртуальных жертв. Но главное в другом: бросается в глаза фантастически преувеличенный масштаб гибели (в результате истребления, а также превышения смертности над рождаемостью) гражданского населения на оккупированной территории – более 16 млн. Здесь налицо преувеличение ни много ни мало примерно на 13 млн. человек! Не мудрено, что оперируя подобного рода цифрами, в итоге общие людские потери СССР были рассчитаны в диапазоне от 25,5 млн. до 27,8 млн. Л.И. Брежнев вполне благоразумно «округлил» эти данные до более 20 млн., но этого было явно недостаточно. Тут надо было сделать сокращение как минимум на 10-11 млн. человек и получить в итоге примерно 16 млн. **действительных** жертв войны.

Тот факт, что установленный масштаб естественной смертности населения в военные годы нельзя включать в общую статистику прямых жертв войны, совершенно очевиден и большинством исследователей не оспаривается. Однако иногда в литературе высказывается и иная точка зрения. Так, И.И. Ивлев в статье, изданной в 2012 г., утверждает, что при подсчёте людских потерь СССР надо «вести речь об общей утрате граждан СССР, погибших, умерших на фронте, в плену, в оккупации и в тылу от всех факторов, имевших место в военные годы, а не вычитать тех, кто якобы был «обязан умереть» согласно уровню смертности мирного 1940 года»⁵³. Из этого следует, что И.И. Ивлев является сторонником включения всей естественной смертности населения в общее число жертв войны. Понятно, что такой подход делает неизбежным при соответствующих подсчётах гипертрофированное преувеличение численности последних. Надо понимать, что естественная смертность населения – это одно, а жертвы войны – совсем иное.

Коснёмся немного проблемы сопоставимости наших потерь с потерями других стран. Общие людские потери Японии (2,5 млн.) сопоставимы с рассчитанными нами 16 млн., но несопоставимы с хрущевскими и брежневскими 20 млн. Почему так? А потому, что в японских потерях не учтена возможная повышенная смертность гражданского населения в военные годы по сравнению с мирным временем. Это не учтено ни в немецких, ни в английских, ни во французских, ни в иных общих людских потерях в войне. В других странах подсчитывали именно прямые людские потери, а названная в 1961 г. Н.С. Хрущевым величина в 20 млн. подразумевала демографические потери в широком плане, включая в себя не только прямые людские потери, но и скачок в естественной смертности населения в военное время. Кстати, минимальные расчеты германских людских потерь (6,5 млн.) сопоставимы именно с нашими 16 млн., но несопоставимы с 20 млн., так как немцы, не применяя балансового метода и не определяя скачка в естественной смертности населения, старались скрупулезно подсчитать и суммировать все составляющие прямых военных и гражданских потерь, включая ставших жертвами Холокоста немецких евреев⁵⁴.

Конечно, в военное время резко снизилась рождаемость. В дилетантской среде прослеживается тенденция включать «не родившихся детей» в общее число людских потерь в войне. Причем «авторы» обычно не имеют понятия, сколько же, собственно, детей «недородилось», и делают крайне сомнительные «расчеты», руководствуясь при этом исключительно собственной «интуицией» и доводя за счет этого общие людские потери СССР иногда даже до 50 млн. Разумеется, подобную «статистику» нельзя воспринимать всерьёз. В научной демографии всего мира включение не родившихся детей в общее число людских потерь в войне принято считать некорректным. Иначе говоря, в мировой науке это запрещённый прием.

Существует довольно большой пласт всякого рода литературы, в которой, даже без учёта «не родившихся детей», посредством некорректных статистических манипуляций и ухищрений и «интуитивных оценок» выводятся самые невероятные и, естественно, заведомо ложные цифры прямых потерь – от 40 млн. и выше. Вести цивилизованную научную дискуссию с этими «авторами» невозможно, поскольку, как нам неоднократно приходилось убеждаться, их цель состоит не в поисках исторической правды, а лежит совсем в иной плоскости: ошельмовать и дискредитировать советских руководителей и военачальников и в целом советскую систему; принизить значение и величие подвига Красной Армии и народа в Великой Отечественной войне; возвеличить успехи нацистов и их пособников.

Конечно, 16 млн. прямых людских потерь

– это огромные жертвы. Но они, по нашему глубокому убеждению, отнюдь не принижают, а, наоборот, возвеличивают подвиг народов многонациональной страны (СССР) в Великой Отечественной войне.

Мы отнюдь не рассматриваем результаты нашего исследования как истину в последней инстанции, ибо в ходе дальнейшего изучения возможны различные корректировки и уточнения. По нашему убеждению, следует оживить и активизировать постепенно угасающую практику научных дискуссий по проблеме людских потерь СССР в 1941-1945 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большевик. 1946. №5. С.3.

² Правда. 1946. 14 марта.

³ Волгогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989. Кн.2. Ч.2. С.26.

⁴ См.: Там же.

⁵ Михалев С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг.: Статистическое исследование. Красноярск, 2000. С.97 (со ссылкой на: Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф.14. Оп.3028. Д.8. Л.1-2). См. также: Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Когда мы узнаем реальную цену разгрома гитлеровской Германии? // «Умылишь кровью»? Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне. М., 2012. С.26.

⁶ Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Указ. статья. С.27.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.7021. Оп.116. Д.2466. Л.1-3.

⁸ Документ размещён в Интернете Д.Д. Богоявленским (со ссылкой на: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.1562. Оп.33. Д.2990. Л.75).

⁹ Демографическая модернизация России. 1900-2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. С.439.

¹⁰ Международная жизнь. 1961. №12. С.8.

¹¹ Правда. 1965. 9 мая.

¹² Демографическая модернизация России... С.439.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Всероссийская Книга Памяти. 1941-1945: Обзорный том. М., 1995. С.395-396.

¹⁷ Вестник статистики. 1990. №7. С.34-46.

¹⁸ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т.1 / Отв. редакторы: Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская. М., 2000. С.340.

¹⁹ См., напр.: Буровский А. Мединский и война. Создатель мифов или только пособник? // Анти-Мединский: Псевдо-история Второй Мировой. Новые мифы Кремля. М., 2012. С.210.

²⁰ Правда. 1990. 9 мая.

²¹ Соколов А.К. Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995. С.22.

²² Размышления по поводу двух гражданских войн: Интервью А.И. Солженицына испанскому телевидению в 1976 г. // Комсомольская правда. 1991. 4 июня.

²³ См.: Российская газета. 1995. 9 мая.

²⁴ Дьяков Ю.Л. Горькое чувство истории: За ошибки

- власти расплачивается народ // Россия в XX веке: Война 1941-1945 годов. Современные подходы. М., 2005. С.82.
- ²⁵ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С.131.
- ²⁶ Шевяков А.А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социологические исследования. 1991. №12. С.10.
- ²⁷ Там же. С.6.
- ²⁸ Руденко Р.А. Забвению не подлежит // Правда. 1969. 24 марта. С.4.
- ²⁹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т.10. С.390.
- ³⁰ Поляков Ю.А. Основные проблемы изучения людских потерь СССР в Великой Отечественной войне // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб., 1995. С.11.
- ³¹ См.: Альтман И.А. Жертвы ненависти: Холокост в СССР. 1941-1945 гг. М., 2002. С.303-304; Холокост на территории СССР: Энциклопедия. М., 2010. С.785; Кропачев С.А. Становление отечественной историографии Холокоста и проблемы определения численности его жертв // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Краснодар, 2012. С.34.
- ³² Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Под общей редакцией Г.Ф.Кривошеева. М., 2001. С.230.
- ³³ Там же. С.232.
- ³⁴ Шевяков А.А. Указ. соч. С.9.
- ³⁵ См.: Россия и СССР в войнах XX века. С.232.
- ³⁶ Всероссийская Книга Памяти... С.395.
- ³⁷ Шевяков А.А. Указ. соч. С.10.
- ³⁸ Всероссийская Книга Памяти... С.406; Россия и СССР в войнах XX века... С.231.
- ³⁹ Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С.146.
- ⁴⁰ Там же. С.68.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф.7021. Оп.116. Д.2466. Л.3.
- ⁴² Гриф секретности снят... С.130.
- ⁴³ Там же. С.338.
- ⁴⁴ Там же. С.130.
- ⁴⁵ Там же. С.131.
- ⁴⁶ Streit C. Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen. 1941-1945. Bonn, 1991. S.244-246.
- ⁴⁷ Всеволодов В.А. «Ступайте с миром»: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945-1958 гг.). М., 2010. С.84, 209; Лопуховский Л.Н., Кавалерчик Б.К. Указ. соч. С.27.
- ⁴⁸ См.: Гареев М.А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. №4. С.47.
- ⁴⁹ См.: Руденко Р.А. Забвению не подлежит // Правда. 1969. 24 марта. С. 4; История СССР с древнейших времён до наших дней. М., 1973. Т.10. С.390; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 1976. С.369; Великая Отечественная война. 1941-1945: Энциклопедия. М., 1985. С.157; и др.
- ⁵⁰ См.: Земсков В.Н. «Статистический лабиринт»: Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. №3. С.29.
- ⁵¹ Хаттори Т. Япония в войне. 1941-1945 / Пер. с яп. М., 1973. С.606.
- ⁵² Демографическая модернизация России... С.439.
- ⁵³ Ивлев И.И. Генеральская ложь // Военно-исторический архив. 2012. №9. С.43.
- ⁵⁴ Методику немецких подсчетов см.: Якобсен Г.-А. 1939-1945. Вторая мировая война: Хроника и документы / Пер. с нем. // Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С.237-239.

IS THE EXTENT OF THE SOVIET CASUALTIES IN 1941-1945 STILL DEBATABLE?

© 2015 V.N. Zemskov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow

This article traces the origins and evolution of the official statistic data of the Soviet casualties in the Great Patriotic war (since 1946 to the present, these data have been changed several times). The article provides critical analysis of the different methods of calculations of the human losses. The author proposes clear distinction between the definitions «victims of war» and «natural mortality»; reveals the proportion of the military to civilian victims of war. Special attention is paid to debunking various myths and legends on the extent of Soviet human losses in 1941-1945.

Keywords: human losses, statistics, soldiers, civilians, the killed, the tortured to death, prisoners of war, mortality, estimation.